

НАРОДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В БАШКИРСКОМ КРАЕ В 1735–1740 гг. – ВОССТАНИЕ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ?

Аннотация. Автором предпринята попытка рассмотреть восстание 1735–1740 гг. не как следствие нарушения условий жалованных грамот царской властью, а как закономерный результат неравенства сторон при получении башкирскими вождями жалованных грамот. Обращено внимание на отсутствие ответственности сторон в условиях грамот. Критически рассматривается тезис о добровольности поездки башкирских племен в Казань. Движение 1735–1740 гг. автор рассматривает как национально-освободительную войну. Пришлым населением вотчины башкир воспринимались как препятствие к свободному землепользованию, что делало их естественными союзниками властей. Сделан вывод о том, что причиной войны являлись не межэтнические, а социально-экономические причины.

Ключевые слова: Московское царство, добровольно, ясак, жалованная грамота, причины восстаний, вотчины, «верные башкиры».

Несправедливость противной стороны
навлекает справедливую войну
Епископ Аврелий Августин¹

В историографии башкирских восстаний, это выступление башкир, как правило, именуется восстанием. При этом авторы, как правило, особо не ставили вопрос – почему восстание, а не национально-освободительная война? Еще в 1930-е гг. А.П. Чулошниковым была высказана позиция о завоевании Башкирии Московским государством. «Фактическое освоение Московским государством значительной части Башкирии происходило вовсе не в результате добровольного подчинения башкир русской власти, а в итоге завоевания и длительной борьбы»². Данная позиция, противоречащая советским идеологическим штампам, была забыта. Позднее на этот вопрос обратила внимание Н.Ф. Демидова. «Восстание 1730 г., – считала она, – являлось по сути дела, одним общим восстанием, проходившим ряд этапов...»³. Академик Р.Г. Кузеев в одной из работ отмечал, что «восстание 1735–1740 гг. было народным движением, в нем были сильны мотивы освободительной войны»⁴. Но далее он свою мысль не развил. Аналогичного мнения был Д.Ж. Валеев, считавший, что «во время событий 1735–1740 гг. все выступление можно рассматривать как единое событие, как национально-освободительную войну башкирского народа»⁵. Однако тезис им также не был обоснован. Американский исследователь истории башкирских восстаний А.С. Доннелли еще в 1968 г. движению 1735–1740 гг. дал однозначную оценку как войне против колониального завоевания Россией⁶.

* **ЗИНУРОВ Рафаил Нариманович** — доктор юридических наук; профессор; Представительство РАН РФ на территории Республики Башкортостан; руководитель; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; rafailzinuroff@yandex.ru.

¹ Аврелий Августин Блаженный (13.11.354–28.08.430) – христианский богослов, философ. Признан святым в католической, православной и лютеранской церквях.

² Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII–XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 19.

³ Демидова Н.Ф. Башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. // Материалы по истории Башкортостана. Уфа, 2002. Т. 6. С. 10.

⁴ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 137.

⁵ Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа, 1995. С. 59.

⁶ Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией в 1552–1740 гг. Уфа, 1995. С. 28–29.

Учитывая важность, остроту и полемичность вопроса, представляется необходимым кратко отметить специфичность характера русско-башкирских отношений начального периода. Здесь, прежде всего отметим важнейший аспект, на который исследователями, как правило не обращается внимание. Очевидно, что признав над собой власть московского царя, башкиры, по их вековым понятиям, предпочли русского царя, как нового и более сильного сюзерена, принудительная власть которого над ними неотвратимо надвигалась. Однако добровольное вхождение в состав другого государства, как социально-правовой институт, башкирскому обществу, с устоявшимися традициями вассальной зависимости, был чужд и неизвестен – не было единого государства и хана, как центральной власти. Нельзя не согласиться с мнением казахского историка Т.И. Султанова, о том, что так поступали до этого все степные народы, надеясь, что вассальная зависимость от сюзерена может быть ими в любое время прервана если его власть становилась тяжким бременем¹.

Мы ранее в своей работе уже отмечали, что жалованные грамоты, в силу очевидного неравенства сторон, уже изначально не являлись официальными документами, имеющими для царской администрации юридическую силу царских указов². Поэтому, систематические нарушения царским правительством условий этих грамот, уже через пару десятилетий после выдачи жалованных грамот, не выглядят вероломными – они уже изначально предполагались, как следствие юридической неравноправности сторон, что по сути и обрекло их на постоянные нарушения царской властью. Мысль не нова. Схожее мнение было высказано еще в XVII в. голландским юристом Гуго Гроцием: «...государственное подданство есть такого рода подчинение, в силу которого народ отдает себя во власть каким-либо лицам или другому народу»³. Далее, он особо подчеркивал, что договоры не имеющие характера равноправного двустороннего соглашения, на сильную сторону не налагают никаких обязательств⁴.

Мы не можем не согласиться с тезисом М. Никитина, высказанным им еще в далеком 1928 г. Он считал что «жалованные грамоты, выданные башкирам, лишь формально подтверждали право владения землей башкирами, фактически, действовала общая система, по которой собственником земель... являлся государь, и жаловал их, кому находил нужным»⁵. На наш взгляд, данный фактор является главной причиной того, что в ситуации середины XVI в., в пору агрессивных и успешных территориальных экспансий Московского царства, условия жалованных грамот (о вере, о вотчинах, о ясаке, о службе в русской армии) не могли обеспечить равноправность сторон. Все чиновники, воеводы и другие люди были на службе у верховного собственника всех земель и территорий в государстве. В отношении башкирских вотчинников, каждый раз наивно апеллировавших к условиям жалованных грамот, это обстоятельство лишь стимулировало жесткость действий властей, каждый раз вынуждая их к еще большей аккумуляции военных сил против них.

Властями на месте, как исполнителей воли верховной власти, апелляции к грамотам воспринимались, прежде всего, как непризнание их статуса представителей царской власти. Для неконтролируемого потока переселенцев, вотчинное землевладение башкир, являлось лишь досадным препятствием для свободного землепользования, в силу чего, царская администрация в них легко находила союзников против башкир.

---

¹ Султанов Т.И. Россия и Казахстан: история и проблемы взаимодействия (XVII – начало XX в.) // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С. 19.

² Зинуров Р.Н. Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. Уфа, 2001. С. 48–58, 80–82.

³ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 128.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6–7. С. 73.

В этой связи мы вправе полагать, что основная причина всех начавшихся уже через 20 лет, в 1572 г., башкирских «бунтов» заключалась именно в неравенстве сторон. Ведь какая-либо ответственность царской власти, как сильного сюзерена, за нарушения названных условий в жалованных грамотах не оговаривалась, это очевидно из текстов всех шежере башкирских племен. Поэтому, мы полностью солидарны с упомянутой мыслью Гуго Гроция о том, то неравноправный договор не налагает на сильную сторону обязательств, подлежащих неукоснительному выполнению¹.

В научной литературе выработался некий стереотип: главная причина восстаний это захваты земель, как нарушения русской администрацией условий жалованных грамот. Между тем, в силу неравенства сторон, эти грамоты уже изначально содержали неизбежность конфликтов. В этой связи, применительно к состоянию русского государства и башкирского общества XVI в., возникает закономерный вопрос: можно ли говорить о равноправности сторон? Очевидно, что нет. Многие авторы, игнорируют тот факт, что башкиры в Казань были приглашены ультимативно, что очевидно из текстов шежере башкирских племен. Так, в шежере племени Юрматы, читаем: «...во все земли были направлены послы с грамотами, которые известили: пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере... Послы обошли земли (башкирские) и известили...»². О приезде послов русского царя говорится и в шежере башкирского рода Карагай-Кыпсак³. Кроме того, в общем шежере племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян, однозначно говорится именно об этом – они направили своих представителей в Казань, как «...приглашенные в великому князю Ивану Васильевичу», который «сам желал их прибытия»⁴.

Важно отметить, что о царском после, в лице стряпчего Семена Ярцова, к башкирам и луговым людям, чтоб их «...к правде привести», писали и Н.М. Карамзин, и В.Н. Татищев. По С.М. Соловьеву «луговые люди» – это черемисы, мордва, чуваша, вотяки и северо-западные башкиры. В результате, именно после визита к ним посла Семена Ярцова, предводители башкирских племен, пришли к русским властям в Казань⁵. И.Г. Акманов, не отрицая факт приглашения представителей племен в Казань, тем не менее утверждает, что в «Казани имели место равноправные переговоры башкир с русской властью...». Содержания этих приглашений, научной литературе неизвестны. В этом плане, говорить о равноправных переговорах и дружеском характере этих посланий, после кровавого покорения Казанского ханства, и пятилетнего подавления восстания народов ханства, нет достаточных оснований.

Русский историк С.М. Соловьев в этом плане отмечал и другой аспект, почему-то не принимаемый во внимание историками. Он писал про возросший агрессивный военный дух русского общества, вызванный покорением Казани: после покорения Казани, русские войска «действуя ревностно и неутомимо, в течении пяти лет не опускали меча, жгли, резали». Далее он особо отмечал, что «...подвиги Северной войны и Полтавская битва не могли возбудить в целой массе народонаселения такого сочувствия, какое в русских людях XVI в. возбуждено было завоеванием Татарского царства..., завоевание Казанского царства было подвигом, необходимым и священным в глазах каждого русского человека»⁶.

Отметим, что подобный дух был присущ и казачеству. По мнению историка

---

¹ Гроций Г. Указ. соч. С. 56.

² Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 33, 67.

³ Там же. С. 33, 117.

⁴ Цит. по: Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. Уфа, 2016. С. 34.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Ростов н/Д., 1997. Т. 7. Кн. 3. С. 48; Татищев В.Н. История Российская. М., 1997. Т. 5. С. 265; Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 4. С. 489.

⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 486–487.

Р.Г. Скрынникова, казачество, колонизируя новые пространства, постоянно вело малую войну с кочевыми народами, что поддерживалось Москвой¹. Этот же факт отмечал и Д.И. Иловайский: казаки Яика, Дона, Сибири, «...только ожидали предводителя, чтоб собраться вокруг него для разбоя и войны»². Наиболее ярко об этом мы можем судить по походу казаков атамана Ермака, действия отряда которого Н.М. Карамзин сравнивал с действиями конкистадоров Э. Кортеса и Ф. Писарро³. Совершив поступок, несовместимый с единоличной властью царя, без ведома последнего отправившись покорять Сибирское ханство, он тем не менее, пишет Н.М. Карамзин, был удостоен царской милости.

Таким образом, мы вправе утверждать, что именно неравенство сторон, логически стало влиять на характер контактов и дальнейших отношений царской власти и башкирского общества XVI в. Захваты башкирских вотчин в этих условиях предстают лишь следствием, и выглядят второстепенными. Поэтому даже, при отсутствии захватов башкирских земель, противостояние двух совершенно разных миров, безусловно обеспечило бы иные причины восстаний.

Однако будем справедливы. Царское правительство временами пыталось юридически оградить башкирское вотчинное землевладение, хотя, на наш взгляд, это даже и противоречило политико-экономическим интересам правительства. Между тем, интересы российского государства, в 1721 г. ставшего империей, с огромной территорией, заключались в экспансии на юго-восток. Так, по мысли Н.Ф. Демидовой, основным направлением печально известной Оренбургской экспедиции, являлось проникновение России на среднеазиатские рынки и постепенное присоединение этих земель к России⁴. В этом плане нельзя не согласиться с А.П. Чулошниковым, который точно подмечал, что «запрет царскими властями продажи, заклада и сдачи башкирских вотчин в аренду, было вызвано не защитой интересов башкирского народа, а стремлением оградить от стихийного расхищения собственные материальные выгоды»⁵. Аналогичную позицию позже высказал и М.К. Любавский, отметив, что оберегать башкирские вотчины русские власти вынуждал простой инстинкт самосохранения, который подсказывал, что надо держать в отношении башкир «ласку», до укрепления своих позиций иметь в них не врагов, а союзников, ведь Московскому государству, «...одновременно приходилось колонизовать и степную Украину, и Поволжье, и Сибирь»⁶.

Натиск царской власти на башкирское общество, к середине XVII в. усилился, усугубив до этого пока еще не столь явную враждебность сторон. По мысли А.П. Чулошникова, уже в ходе башкирского восстания 1662–1664 гг., «знаменем была борьба за полное освобождение от господства Москвы и образование самостоятельных государств», «порвать всякие отношения подданства Московскому государству»⁷. На наш взгляд, уже первые выступления башкир против царской власти, и все последующие крупные башкирские восстания XVII–XVIII вв., можно расценивать как попытка отказа от власти сюзерена, ставшей тяжким бременем для башкирского общества. При этом, натиск на вотчинное землевладение, интуитивно осознаваемый башкирским обществом как угроза основе их жизнедеятельности, одинаково отрицательно воспринимался всеми слоями башкирского общества. Только этим фактором, на наш взгляд, объясняются

¹ Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 94.

² Иловайский Д.И. Очерки отечественной истории. М., 1995. С. 227.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Ростов н/Д, 1993. Т. 9. Кн. 3. С. 481.

⁴ Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 7.

⁵ Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 24.

⁶ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996. С. 493–495.

⁷ Чулошников А.П. Указ. соч. С. 29, 33.

выступления башкир уже через двадцать лет – в 1572 и последующих годах. Башкирское общество стало осознать, что их русское подданство властями воспринято совсем иначе. В связи с этим, очевидно, что все башкирские восстания, были ответом на любые государственные меры властей на попытки распространить на них всю полноту социально-политической системы.

Большинство известных исследователей башкирских восстаний считали, что Башкирия подверглась колониальному завоеванию со стороны России, были единодушны. Так, еще до революции уфимский историк-краевед В.И. Филоненко, позднее Ш.С. Типеев, П.Ф. Ищериков, М.К. Любавский, Н.В. Устюгов, А.П. Чулошников, А.Н. Усманов, И.Г. Акманов, Р.Г. Кузеев, политику царских властей в Башкирии неизменно именовали как колониальную.

Согласившись с ними, мы вправе задать вопрос: если со стороны Российского государства это была колониальная экспансия, то чем же являются военные действия русских войск по подавлению выступления башкир в 1735–1740 гг.? Военными акциями или колониальной войной, подобной войнам колониальных держав – Англии, Испании, Португалии и Франции? Назвать их «карательными военными акциями», как считают некоторые авторы, оснований явно недостаточно – слишком уж крупномасштабны они с обеих сторон, особенно по количеству задействованных регулярных войск русской армии. К тому же, царской властью, всегда привлекалась русская регулярная армия под командованием опытных боевых генералов, крупных правительственных сановников.

Так, при подавлении «бунта» 1735–1740 гг., правительство, недовольное ходом и неэффективностью подавления, как бы отыскивая «козырную карту», одного за другим меняло командующих войсками: казанский губернатор тайный советник П.И. Мусин-Пушкин, боевой генерал-лейтенант П.И. Румянцев, бригадир М.С. Хрущов, генерал-майор Л.Я. Соймонов, тайный советник В.Н. Татищев, обер-секретарь Сената И.К. Кирилов, генерал-лейтенант В. Урусов. Лишь Л.Я. Соймонову, сосредоточив огромные военные силы, путем жесточайших репрессий, расправами с мирным населением, удалось добиться перелома¹.

Но важно отметить и раскол верхушки башкирского общества – огромную помощь в ходе всего движения, власти получали от лояльных к ним «верных» тарханов и старшин.

Итак, мы вправе полагать, что осуществляя усмирение башкир посредством регулярной армии, Российское государство вело типичную колониальную войну, которая по сути ничем особо не отличалась от аналогичных войн названных выше европейских стран-метрополий. Однако здесь уместен и другой вопрос: а какова грань между понятиями «колониальная война», восстание и «национально-свободительная война»? В доступной нам литературе, с определением термина «колониальная война», мы не встретились, поэтому, постараемся обосновать нашу мысль. Российская империя в 1735–1740 гг. в Башкирии вела крупномасштабные военные действия регулярной армией с целью подавления вооруженного сопротивления населения (в основном башкирского), не согласного с навязываемой ему системой социально-экономической власти. Война велась от имени государства, притом с ярко выраженной политической целью – устранение военного сопротивления башкир, как препятствия для окончательного распространения на них всей полноты своей социально-политической и экономической системы. Это же обстоятельство, можно рассматривать и в плане идеологической основы действий чиновничества, военного командования. Царская власть, де-факто признавала лидеров башкир за воюющий противоположный лагерь – направляла им письма, приглашала на переговоры (хотя они в основном заканчивались арестами), обещала амнистии и т. д. Но наибольшую опасность власти усматривали, в политическом аспекте:

---

¹ Зинуров Р.Н. Указ. соч. С. 290–291.

в переговорах или попытках союза лидеров башкир с казахскими ханами, джунгарским контайшой, каракалпаками, крымским ханом, турецким султаном. Они воочию видели опасность «отложения» башкир из российского подданства, фактически признавая этим наличие политической цели у восставших. В восстании не приходится говорить об этих характерных политических целях.

Гуго Гроций, в названном знаменитом трактате «О праве войны и мира», делил войны на публичные и частные. К первым он относил войны, ведущиеся органами государственной власти. Частные войны – это те, которые ведутся лицами, не являющимися носителями гражданской власти. Военные действия, предпринимаемые народом в целях самообороны, для защиты своих естественных прав, своего достоинства, являются предусмотрительностью и заботой о себе и не противоречат природе человеческого общества. Такие войны автор считает частными и справедливыми¹. Публичные войны, ведущиеся против частных лиц и властью должностных лиц, Гуго Гроций относит к несправедливым и такими считает прежде всего колониальные войны². Примечательно, что термин «восстание» он не употребляет.

Таким образом, движению 1735–1740 гг. со стороны башкирского народа присущи все характерные признаки справедливой освободительной войны, предпринятой в целях защиты своего естественного права и достоинства вотчинные земли, позволяющие им вести традиционный образ жизни. С учетом безусловной башкирской национальной основы выступление 1735–1740 гг. мы вправе называть национально-освободительной войной башкир.

В этой связи, весьма противоречивой представляется высказанная точка зрения о том, что «борьбу башкир за соблюдение русскими властями условий присоединения вряд ли можно считать войной против России..., акции русского царизма трудно считать войнами за завоевание Башкортостана. Башкир не надо было завоевывать, они с середины XVI в. считали себя подданными русского царя»³. Позиция является неубедительной потому, что она основана на советских стереотипах. Автором как бы отрицается двухсотлетнее учреждение Российским государством своей власти среди башкир военным путем. Мы вправе предположить, что это является колониальным завоеванием, или, по Гуго Гроцию, несправедливой публичной войной. Кроме того, названная позиция упускает из виду и такой фактор, как вовлечение в эти процессы значительных слоев других народов края, движение которых также носило справедливый характер.

Вызывает вопросы прочно, давно установившаяся и не оспариваемая точка зрения относительно того, что все выступления русских крестьян именуется не восстаниями, а крестьянскими войнами: Крестьянские войны под руководством Ивана Болотникова в 1606–1607, Степана Разина в 1667–1671, Кондратия Булавина в 1707–1708, Емельяна Пугачева в 1773–1775 гг.

Башкирское движение 1735–1740 гг., безусловно имело политические («отложиться» из-под власти царя, желание перейти под сюзеренитет крымского хана, турецкого султана, казахских ханов, попытка образования башкирского ханства) и национально-освободительные мотивы. Следует учесть и тот факт, что при подавлении выступлений башкир, одну из главных ролей играл национальный фактор, результативно используемый царскими властями: «...поощрять на то надобно, дабы они меж собою всегда в ссоре находились»⁴. В силу этого, башкиры властями преподносились, и на самом деле перед рядовым обывателем представляли, народом враждебным русскому государству

---

¹ Гроций Г. Указ. соч. С. 67–68.

² Там же. С. 185–188.

³ Акманов И.Г. Башкортостан и Россия: взаимоотношения в середине XVIII в. // Донелли А.С. Завоевание Башкирии Россией в 1552–1740 гг. Уфа, 1995. С. 24.

⁴ Цит. по: Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 10.

и любому переселенцу в эти места. Но будем справедливы – этому в первую очередь способствовали особый статус самих башкир, их земельные права. Для постоянно растущего потока переселенцев, а также для самих властей, эти права башкир постепенно превращались лишь в досадное препятствие для свободного землепользования. Поэтому факт активного участия другого населения на стороне властей, в основном можно объяснить лишь этим обстоятельством. Но здесь мы обязательно должны отметить и другой немаловажный факт – башкирские восстания, равно как и участие на стороне властей пришлого населения, прежде всего имели не межэтнический, а сугубо социально-экономический фактор.

В то же время, в отличие от выступлений русских крестьян, упомянутый национальный фактор в башкирских восстаниях, стимулировал жестокость властей при их подавлении. В частности, в 1735–1740 гг. подавление башкир порой принимало вид повального уничтожения враждебного всей российской государственности народа. О геноциде, о чем с легкостью судят некоторые авторы, мы речь не ведем, поскольку, Россия вела войну не на уничтожение башкир как народа, а в целях ускорения их интеграции в свою государственную систему посредством войны. Однако эту грань царские власти зачастую переходили, проводя жесточайшие акции, независимо от того, участвовала ли та или иная группа в восстании. К примеру, была ли необходимость в розыске и массовом истреблении регулярными войсками башкирского населения, скрывшегося от карателей в горно-лесной Башкирии летом 1740 г.? У историков оно до сих пор не получило соответствующей оценки, более того, напоминание о подобных фактах, вплоть до недавнего прошлого, считалось покушением на «исторически сложившуюся дружбу народов».

В заключение отметим, что материал не должен восприниматься как радикальный взгляд на историческое и нынешнее состояние российского общества, на русско-башкирские отношения прошлого и настоящего. Он основан лишь на научных, широко известных источниках, на их анализе и критическом подходе автора.

Источники и литература

1. Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. 371 с.: ил.
2. Башкирские шежере. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.: ил.
3. Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа: Китап, 1995. 221 с.
4. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
5. Донелли А.С. Завоевание Башкирии Россией в 1552–1740 гг. Уфа: Башкортостан, 1995. 287 с.
6. Зинуров Р.Н. Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. Уфа: Гилем, 2001. 450 с.
7. Иловайский Д.И. Очерки отечественной истории. М.: Мысль, 1995. 510 с.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского: [В 4 кн.]. Ростов н/Д: Феникс, 1994. Кн. 3: [Т. 7–9]. 543 с.
9. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 344 с.
10. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 682 с.
11. Материалы по истории Башкортостана / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Уфа: Китап, 2002. Т. 6. 768 с.
12. Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 155 с.
13. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981. 205 с.
14. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М.: Голос, 1993. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3–4. 768 с.
15. Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Ладомир, 1996. Т. 5: История российская. 340 с.
16. Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII–XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л.: АН СССР, 1936. Ч. 1. 560 с.